

Андрей Белевский

ПРОКУРОР КУЛАГИНА

Прокурор Кулагина вышла из зала суда. Она привычным шагом спустилась по лестнице, повернула налево по коридору. Кабинет был строг, как и характер Кулагиной. Позвонил председатель и дал инструкции по поводу завтрашнего процесса. Кулагина завершила. Она не позволяла себе вольностей. Написав пару бумаг и отправив их по назначению, прокурор надела плащ и вышла на улицу.

Кулагина была невысока, коренаста, даже полна. Шла она уверенно, ничто ни в фигуре, ни в поведении не намекало на сомнения. В небольшом городе, где она жила, все было рядом. На работу она ходила пешком.

Подойдя к подъезду своего дома, она привычно набрала код, открыла дверь, вызвала лифт, поднялась на этаж. Мысли ее были заняты адвокатом, которого надо бы наказать за строптивость. Опустив голову, Кулагина дошла до квартиры, вынула ключ и ткнула его в бетон.

Прокурор подняла глаза. Двери не было. Вместо нее в слабом коридорном свете белела стена. На ощупь она была холодная, с кое-где треснувшей краской. Никаких признаков двери.

На площадке этажа было две квартиры — Кулагиной и начальника милиции. Милицейская дверь была на месте. Кулагина оглянулась вокруг — вдруг ошиблась этажом, а двери все такие одинаковые. Она спустилась по лестнице, но это был этаж ниже. Она поднялась наверх, но это был верхний этаж. Дверь милиционера была, а ее двери — не было.

Кулагина вышла на улицу и осмотрела дом. Дом был ее. Были и ее окна со знакомыми шторами и цветком на подоконнике. Кулагина постояла, снова вошла в подъезд, добралась до своего этажа. Ничего не изменилось. Двери не было.

Прокурор позвонила милиционеру. Дверь не открыли. Она еще несколько раз нажала на звонок — результат тот же.

Кулагина присела на ступеньку. Посидев немного, она встала и стала простукивать стену, на месте которой была дверь. Глухой бетон.

Кулагина вынула мобильник и набрала номер. Алё. Это диспетчерская? Ну. Мой адрес такой-то. Что с моей дверью? Вы чего, женщина? Я спрашиваю, что с моей дверью? Ее нет! Раздались короткие гудки. Кулагина позвонила снова. Алё. Говорит прокурор Кулагина. У меня пропала входная дверь в квартиру. Вместо нее бетонная стенка. Ой, конечно, мы сейчас пришлем вам мастера, не беспокойтесь, вот он уже вышел. Действительно, через десять минут явился человек в рабочей одежде и с инструментальным ящиком. Он внимательно осмотрел стену, постучал, даже поковырял ее отверткой. Стена как стена, какие вопросы? Тут была дверь в мою квартиру. Я не могу попасть домой. Человек пожал плечами. Это бетонная стена, тут двери никогда не было. Никогда не было? Никогда.

Распишитесь здесь. Кулагина машинально расписалась. За что я расписалась? За осмотр стены.

Кулагина посмотрела на часы. Было поздно. Надо что-то делать. Что? Надо позвонить заммэра. Или мэру. Но время неурочное. Что-то мне нехорошо, сказала вслух Кулагина.

Она вышла из дома и направилась на работу. На проходной дежурный мент ничего не спросил, но посмотрел диковато. Кулагина стала устраиваться на маленьком диванчике в своем кабинете на ночь.

Утром Кулагина себя чувствовала плохо и выглядела так же. Плохой сон. Ни помыться, ни почистить зубы. Ни причесаться, не говоря уже о макияже. Как выйти-то на люди? Между тем время подошло к началу рабочего дня. Зазвонил телефон, председатель хотел напомнить. Прокурор машинально заверила. В дверь постучали. Она не открыла. Звонок. Кулагина подняла трубку. Сегодня в девять суд, у вас заключительная речь. Хорошо, ответила Кулагина. Часы показывали восемь сорок две. Надо выходить. Кулагина кое-как привела себя в порядок. Сотрудники переглядывались и шептались. Городок маленький, подумала Кулагина. Мастер — диспетчер — население. Все уже знают. Началось заседание суда. Во время выступления Кулагинной кто-то спросил из зала: а у вас действительно пропала дверь

в квартиру? Судья что-то сказал, кого-то вывели, но Кулагина была, как в тумане.

Суд закончился, и Кулагина вышла на улицу. Она пошла домой и убедилась, что изменений нет. Холод бетона пробрал ее насквозь. Ментовская квартира не отвечала. Кулагина набрала номер на мобильнике. Ираида Исаковна? Это Кулагина. Да-да, я знаю, что у вас проблемы, но думаю, они скоро разрешатся. Нет, вы не понимаете... Да-да, эта история про дверь, я уже слышала, думаю, вам надо отдохнуть, давайте-ка в санаторий, а сейчас ложитесь и спите, я позвоню городскому, чтобы не тревожил вас денек. Да я, да мне... Гудки.

Начались бытовые проблемы. Санитарные процедуры, все такое. Прокурор позвонила подруге. Подруга была давняя и верная. Успокойся, сказала она. Нет, ко мне сейчас нельзя. Нет. Нет. У меня гость. Нет. Я понимаю. Думаю, в больницу. Да, я так думаю. В областную. Хочешь, позвоню Трофимову? Сама? Хорошо. Молодец. Пока. Звони.

Заканчивалась зарядка в телефоне, между прочим.

Это Кулагина. Главного врача. Трофимов? Мне надо полечиться. Сейчас. Хорошо.

Кулагина нащупала кошелек. Деньги были. Она взяла такси и поехала в областную больницу. Главный врач, зам. главврача, зав. отделением, палата отдельная с удобствами. Наконец-то, подумала прокурор. Туалет, душ, больничный халат (дали, учитывая заслуги). Внимательный лечащий доктор, записи, расспросы, давление, пульс, послушать, живот, печень. Зачем это? Ну, как же, все-таки больница, так положено. Кулагина как-то быстро смирилась. Покормили. Отделение для высших лиц, было довольно вкусно. Все в чистом, сестры улыбаются.

Пришел Трофимов. Как ты? Хорошо. У тебя, что, действительно пропала дверь? Теперь уж и не знаю, что сказать. Устала. Ну, спи. Завтра разберемся и с дверью, и со здоровьем. Спи.

Кулагина заснула. Ей снились мать и отец, качели, а еще она все время искала пропавший мячик.

Утро было свежим. Мягкое солнце светило сквозь больничные занавески. Голова прокурора была ясной и легкой. Принесли еду. Кулагина завтракала долго, ее взор часто устремлялся через окно на близкую сосновую рощу и на ней застывал.

У Кулагиной не было близких. Муж умер пять назад, она и не особенно горевала, детей не было, а остальных родственников прокурор разогнала своим неприятным нравом и прямой враждебностью. Так что навещать ее было некому, да она об этом и не думала. После завтрака она села к окну, стала смотреть на рощу. Так ее и застал в палате приятный доктор без стетоскопа. Перед тем как отвернуться от окна, Кулагина увидела, что из-под козырька административного входа в больницу вышел городской прокурор, сел в свой черный автомобиль и уехал. Зачем он приезжал, подумала Кулагина, но почему-то быстро о нем забыла, а тревога, как раньше обычно бывало при виде начальства, не поселилась в ее сердце.

Доктор расспрашивал о жизни, работе, детстве, друзьях и коллегам, и Кулагина, обычно неразговорчивая, очень строгая к откровенностям, с легкостью отвечала, говорила о суровой матери и мягком отце, о детских страхах, о первой любви, о своем трудном характере... Она впервые за много лет вспоминала о годах студенчества, о своих институтских друзьях. Вдруг она ясно ощутила сильное отвращение к работе и без всякого сомнения рассказала об этом доктору.

Доктор внимательно выслушал прокурора, сделал какие-то записи в блокноте, пожелал Кулагиной здоровья и ушел.

Прокурор сидела у окна. Мимо проезжали машины, проходили люди, сосны качались на ветру. Душа была спокойна. Что-то не звонит телефон, подумала Кулагина. Она достала мобильник. Он был выключен. Разрядился, подумала Кулагина. Что-то никто меня не ищет, пришла ей в голову еще одна мысль. Потом эти мысли, как и другие, исчезли из ее головы. Странно, подумала она, совсем нет тревог. Прокурор попыталась найти их в себе, как это с ней уже случалось в редкие минуты душевного спокойствия. Тогда она их всегда находила и снова начинала тревожиться и страшиться. Сейчас же тревог и страхов не нашлось. Она немного подумала об этом, но и эта мысль быстро пропала. А еще предметы, окружающие прокурора, стали другими. Они стали самими собой, что ли, без связи с настроением, эмоциями, воспоминаниями и проблемами. Сосна за окном стала лишь сосной, а не тяжелой мыслью о даче и ухаживаниях адвоката, облако стало облаком, стена — стеной, полотенце — полотен-

цем... Вот интересно, подумала она, и снова мысль растворилась в окружающем мире.

На следующий день пришел Трофимов и сказал, что хорошо бы ей поехать в специализированный санаторий, чтобы восстановить силы. Прокурор не возражала.

Ее собрали, усадили в машину Трофимова и отвезли за город. Кулагина без труда поняла, что ее новым местом пребывания будет психбольница. Она была тут много раз по делам службы.

По соседству в палате оказалась тихая миловидная женщина, которая приветливо улыбалась Кулагиной, но ничего не говорила.

Пришла медсестра и повела прокурора к доктору. Доктор оказался высоким тощим человеком средних лет, с бородкой. После долгой беседы прокурор была отпущена в палату. Ей дали витамины, какую-то микстуру, пахнущую знакомым, но никак не вспоминаемым запахом, и все.

В конце рабочего дня тощий доктор снял халат, надел плащ, подошел к столу, внимательно прочитал первую страницу истории болезни Кулагиной, вышел из больницы и через полчаса был у дома прокурора.

Кулагина гуляла по больничному саду, сидела у окна, улыбалась соседке, а та отвечала ей тем же, хотя по-прежнему ничего не говорила. Засыпала прокурор легко, а просыпалась с ощущением спокойного счастья. Нарушали ее течение жизни лишь ежедневные беседы с доктором.

В ординаторской писали дневники. Странно, сказал тощий доктор. То есть? — спросил сидящий напротив толстый доктор. Ну, нет у Кулагиной никаких признаков, она уже месяц тут, каждый день пытаюсь выудить хоть что-то — и нет ничего. А дверь? Дверь на месте. То есть? Проверял я. Интересно, дай-ка, протянул руку за историей Кулагиной толстый доктор. Некоторое время они молчали. А политики тут нет? Да нет, была продуктивная симптоматика, она сама подтверждает, что двери не нашла, но не беспокоится по этому поводу, глаза ясные, и больше ничего. Если бы я не спрашивал про дверь, она бы, полагаю, и не вспомнила, сказал тощий доктор. Ты же видишь, я же ее и не лечу совсем. Послушай, послезавтра конференция, приезжает профессор N, давай покажем, сказал толстый доктор. Давай, согласился тощий.

Профессор N разговаривал с прокурором уже два часа. Доктора маялись. Наконец, дверь в ординаторскую распахнулась, и вошел профессор, лысый уже, немолодой человек. Что скажете, профессор? Может, все-таки нейрелептик? Профессор сел. Дураки вы, братцы. Она здорова совершенно. А дверь? Это же галлюцинация... Нет, твердо, с нотками непререкаемого авторитета сказал профессор N. Он поднял на докторов ясные и грустные глаза. Просто у нее исчезла, ну, то есть закрылась та дверь, и открылся весь мир. Эх, почему-то добавил он — и отвернулся.

По поводу дальнейшей судьбы Кулагиной в городе ходят разные слухи. Достоверно известно, что она уехала жить в деревню к своей соседке по палате, которая однажды прервала свое молчание и сказала: поедем, Тоня, ко мне — жить и радоваться. Говорят, что дачники ее видели помолодевшей, похудевшей, с улыбкой на лице. Да мало ли что говорят... Темна молва людская.

